

**Рец. на кн.: ПАСКАЛЬ БУАЙЕ. ОБЪЯСНЯЯ РЕЛИГИЮ:
ПРИРОДА РЕЛИГИОЗНОГО МЫШЛЕНИЯ:**

Пер. с фр. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 496 с.

Александр Григорьевич Козинцев

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН

3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия

agkozintsev@gmail.com

Аннотация: В своей наиболее известной книге Паскаль Буайе интерпретирует религию с позиций когнитивной науки и эволюционной психологии. По его мнению, человеческий разум состоит из множества выработанных естественным отбором и специализированных систем логического вывода. Паразитируя на этих системах, религия является результатом их сбоя или рассогласования. Вслед за Стивеном Пинкером и Ричардом Докинзом автор считает, что проблему религии можно решить с помощью чисто психологического подхода на основе предположения, что религиозные представления, подобно прочим «мемам», распространяются путем естественного отбора. По мнению рецензента, главными недостатками книги являются игнорирование трудов большинства предшественников, отсутствие структурного подхода к религии и биологизация культурных явлений.

Ключевые слова: религия, мифология, ритуал, дарвинизм, эволюционная психология.

Для ссылок: Козинцев А. Рец. на кн.: Паскаль Буайе. Объясняя религию: природа религиозного мышления: Пер. с фр. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 496 с. // Антропологический форум. 2020. № 46. С. 243–254.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-243-254

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/kozintsev.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 46

**A Review of PASCAL BOYER, *OBYASNAYAYA RELIGIYU:
PRIRODA RELIGIOZNOGO MYSHLENIYA*: Russian transl. from French
(*ET L'HOMME CRÉA LES DIEUX: COMMENT EXPLIQUER LA RELIGION*),
2nd ed. Moscow: Alpina non-fiction, 2018, 496 pp.**

Alexander Kozintsev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),

Russian Academy of Sciences

3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia

agkozintsev@gmail.com

Abstract: In his most well-known book, Pascal Boyer interprets religion from the standpoint of cognitive science and evolutionary psychology. In his view, the human mind consists of numerous specialized inference systems molded by natural selection. Religion, which is parasitic upon these systems, results from their malfunctioning or mismatch. Following Steven Pinker and Richard Dawkins, the author believes that the problem of religion can be solved by a purely psychological approach on the assumption that religious beliefs, like other “memes”, spread through natural selection. In the reviewer’s opinion, the principal drawbacks of the book are a disregard for past scholarship, lack of structural approach to religion, and a biological bias in the interpretation of cultural phenomena.

Keywords: religion, mythology, ritual, Darwinism, evolutionary psychology.

To cite: Kozintsev A., ‘A Review of Pascal Boyer, *Obyasnayaya religiyu: Priroda religioznogo myshleniya*: Russian transl. from French (*Et l’homme créa les dieux: comment expliquer la religion*), 2nd ed. Moscow: Alpina non-fiction, 2018, 496 pp.’, *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 46, pp. 243–254.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-243-254

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/kozintsev.pdf>

Рец. на кн.: Паскаль Буайе. *Объясняя религию: природа религиозного мышления*: Пер. с фр. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 496 с.

В своей наиболее известной книге Паскаль Буайе интерпретирует религию с позиций когнитивной науки и эволюционной психологии. По его мнению, человеческий разум состоит из множества выработанных естественным отбором и специализированных систем логического вывода. Паразитируя на этих системах, религия является результатом их сбоя или рассогласования. Вслед за Стивеном Пинкером и Ричардом Докинзом автор считает, что проблему религии можно решить с помощью чисто психологического подхода на основе предположения, что религиозные представления, подобно прочим «мемам», распространяются путем естественного отбора. По мнению рецензента, главными недостатками книги являются игнорирование трудов большинства предшественников, отсутствие структурного подхода к религии и биологизация культурных явлений.

Ключевые слова: религия, мифология, ритуал, дарвинизм, эволюционная психология.

Необъясненная религия

Самая известная книга эволюционного психолога и антрополога Паскаля Буайе, опубликованная в России, к сожалению, с большим опозданием, представляет собой перевод с французского оригинала. Заглавие, однако, взято из американского издания (Буайе сейчас живет и работает в США), причем в русском переводе оно смягчено. Английский вариант заглавия — “Religion Explained” («Объясненная религия»). На родине же Буайе, во Франции, книга называется “Et l’homme créa les dieux” («И человек создал богов»). У современного русского читателя, из памяти которого еще не выветрились штампы советской атеистической пропаганды, такое название вызывает смешанные чувства. Если рассматривать его вне исторического контекста, то возразить, пожалуй, нечего. Еще в 1962 г. примерно так мог назвать свою книгу для детей человек с высокой научной репутацией — византист А.П. Каздан. Но одни и те же слова могут звучать по-разному в устах Гольбаха, труды которого запрещали и сжигали (кстати, не позаимствовал ли Буайе название его первой атеистической книги «Разоблаченное

Александр Григорьевич Козинцев
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
agkozintsev@gmail.com

христианство?»), и в устах, скажем, Емельяна Ярославского. Поэтому когда в наши дни Р. Докинз ниспровергает религию с рвением, достойным газеты «Безбожник», вспоминаются слова молодого Тютчева, после разговора с которым Погодин написал в дневнике: «Остро сравнил он наших ученых с дикими, кои бросаются на вещи, выброшенные к ним кораблекрушением» [Тютчев в дневнике 1989: 13]. Времена изменились, и сравнение стало применимо, пожалуй, уже не к нашим ученым, совсем недавно пережившим такое кораблекрушение (или, как выразился один известный политик, «величайшую геополитическую катастрофу»), а к иным из их западных коллег, давно уже забывшим о подобных катаклизмах¹. Впрочем, кто знает? Если фундаменталистская индоктринация в нашей стране усилится по образцу США 1920-х гг., то и дискредитированный ныне воинствующий атеизм может снова показаться кому-то привлекательным.

Буайе начинает с разбора традиционных взглядов на религию (без всяких, впрочем, ссылок) и отвергает их один за другим. Причинами возникновения религии, по его мнению, не были ни потребность вникнуть в суть непонятных явлений (природных и психических), ни необходимость понять, откуда взялось все сущее, ни стремление найти истоки зла и страдания, ни страх смерти, ни тяга к социальному единению, ни «сон разума». Будучи психологом, причем психологом эволюционным, Буайе надеется объяснить религию именно с этих позиций. Даже не столько объяснить, сколько объявить проблему несуществующей.

Следует напомнить, что термин «эволюционная психология» в США имеет совсем иной смысл, чем у нас. Речь идет не о широкой отрасли знания, а об узкой и притом довольно догматичной теории, которая пытается объяснить любые особенности человеческой психики адаптацией к условиям жизни, существовавшим в палеолите. Адаптация к постпалеолитическим условиям, согласно этой доктрине, выработаться не успела. Главный постулат эволюционной психологии состоит в том, что у человека по какой-то непостижимой причине не меньше, а больше инстинктов, чем у животных. Эта идея находится в вопиющем противоречии со всем, что нам известно о человеческой биологии и человеческой культуре.

Одним из главных источников вдохновения для Буайе послужила книга С. Пинкера «How the Mind Works» («Как работает разум»), в русском переводе — «Как работает мозг» [Пинкер

¹ Буайе в этой книге, правда, не высказывает марксистских симпатий, но сочувственно ссылается на антропологов, близких к марксизму, — Р. Кизинга и М. Блока.

2017]. Тот не остался в долгу, назвав труд Буайе «важнейшим после Уильяма Джеймса анализом психологических основ религиозной веры» (обложка, с. 4). В том же духе оценивают труды Буайе и другие видные эволюционные психологи. В частности, Дж. Туби и Л. Космидес назвали его «первым классиком антропологии XXI века» (Там же). Заглавие рецензируемого труда (снабженное, впрочем, вопросительным знаком) стало названием симпозиума, по материалам которого издана книга “Religion Explained? The Cognitive Science of Religion after Twenty-Five Years” [Martin, Wiebe 2017], уже отрецензированная в «Антропологическом форуме» [Тамбовцева 2019]¹.

Буайе, судя по всему, полагает, что начинать исследование религии нужно с чистого листа — классике это позволительно. К трудам предшественников он относится с полным безразличием, все они шли по неверному пути. Имен Э. Дюркгейма, М. Мосса, А. ван Геннепа, А. Радклифф-Брауна, Б. Малиновского, М. Элиаде, К. Леви-Стросса, Э. Лича, В. Тернера, М. Дуглас, К. Гирца, словом, подавляющего большинства создателей современного религиоведения и современной теории ритуала, мы в библиографическом списке не найдем. Дж. Фрэзер, правда, упомянут, и вот что о нем сказано: «“Золотая ветвь” остается не более чем бесплодной компиляцией. Каталогизировать не значит объяснить» (С. 80). Прочтя такое, мы уже не удивляемся, когда узнаем, что греческая мифология — всего лишь мыльная опера (С. 194). Не заинтересовала Буайе и наиболее полная и обстоятельная современная сводка теорий ритуала, написанная К. Белл [Bell 1997]. Следовать примеру предшественников, обрушивавших на читателя лавины фактов, он считает и жестоким, и непродуктивным, упуская из вида, что каталогизация была нужна для того, чтобы найти в фактах структуру. Сам же Буайе предпочитает двигаться иным путем — не индуктивным, а дедуктивным, не от фактов к теории, а от теории (вернее догмы, ибо «эволюционную психологию» в ее американском понимании трудно назвать иначе) к фактам.

Согласно взглядам С. Пинкера, которые разделяет Буайе, «мышление — это система органов вычисления, созданных естественным отбором для решения проблем, с которыми сталкивались наши предки, занимавшиеся собирательством и охотой» [Пинкер 2017: 6]. Наше мышление основано на работе множества специализированных модулей (термин «модуль» ввел Дж. Фодор, и он примерно эквивалентен предложенному Н. Хомским термину «ментальный орган»). К таким специализированным

¹ Симпозиум был приурочен к 25-летию книги Э.Т. Лоусона и Р.Н. Маккоули [Lawson, McCauley 1990]. С выхода этой книги отсчитывается история когнитивного религиоведения.

«системам логического вывода» Буайе относит интуитивную физику (понимание элементарных причинно-следственных связей в физическом мире), распознавание целенаправленного движения, интуитивную психологию, зависящую от способности к метарепрезентации (theory of mind) и увязывание свойств с функцией. К прочим когнитивным системам относятся «система досье», позволяющая связать облик человека с хранящейся в долговременной памяти информацией о нем, система социального обмена, система коалиционного поведения, система нравственных норм, система оценки доверия, система избегания хищников, система защиты от заражения и, по-видимому, целый ряд других. Все они автономны и бессознательны.

Главный порок этих построений в их полной умозрительности. Взгляды Пинкера вызвали протест даже у создателя теории модулярности сознания Дж. Фодора, который посвятил их опровержению целую книгу под названием «Разум так не работает»: «Меня приводит в замешательство тот безудержный оптимизм, которым особенно проникнута книга Пинкера <...>. За последние 40–50 лет стало вполне очевидно, что существуют такие аспекты высших когнитивных процессов, по отношению к которым нынешний арсенал вычислительных моделей, теорий и экспериментальных методов оказывается практически бесполезным. Я-то думал, что все представители нашей науки уже успели это усвоить. Откуда же берется у некоторых из них столь несокрушимая бодрость?» [Fodor 2000: 2–3].

В самом деле, уж если где-то в человеческом мозге и искать модулярность, так это в его языковой функции, проводящей, в отличие от всех остальных, резкую грань между человеком и животными. Это и пытался делать Н. Хомский. Но беда в том, что именно языковая функция максимально «антимодулярна» — она захватывает значительную часть коры доминантного полушария, распространяясь иногда и на кору субдоминантного полушария и даже на подкорку [Deacon 1997: 288, 297–299, 307, 426]. И если даже языковой модуль оказался химерой (недаром Буайе о нем не упоминает), то поиски всех прочих ментальных органов можно с полным основанием назвать «новой френологией» [Uttal 2001].

К чести автора, религиозного модуля он в нашем сознании не находит¹. Проблему религии он решает проще — путем упразд-

¹ Работы, опубликованные уже после выхода книги Буайе и специально посвященные мозговым коррелятам религиозных переживаний, тоже, конечно, не дали никаких указаний на существование такого модуля. Зато на свет появилась очередная квазидисциплина — «нейротеология» [Newberg et al. 2015; Yaden et al. 2017; Ferguson et al. 2018].

нения данного понятия. «Само существование религии как абстракции вызывает сомнения. Вместо нее есть множество бытующих в сознании представлений, множество коммуникативных актов, которые придают им ту или иную степень достоверности, и множество умозаключений, производимых во множестве контекстов» (С. 427). Вера в сверхъестественных существ, по его мнению, основана на тех же системах логического вывода и возникает вследствие сбоя или рассогласования между ними, а также благодаря силе воображения. Это объясняет отсутствие у Буайе структурного подхода к религии — он невозможен по определению, ведь изучаемый феномен объявляется несуществующим.

Буайе оспаривает упрощенный взгляд, будто религия коренится в пренебрежении «правилами умственной гигиены», к которым относятся следующие: 1) впускай в сознание только четкие и ясные мысли; 2) признавай только последовательные утверждения; 3) прежде чем признать утверждение, рассмотри доказательства; 4) рассматривай только опровержимые утверждения. Согласно Буайе, наш рассудок в норме не подчиняется этим принципам, а работает по принципу «как если бы». Иными словами, вопрос о вере в сверхъестественных существ в религии не главный. Более того, он, как правило, вообще не возникает. В центре внимания оказываются практические вопросы вроде «понравится ли духу предка пожертвованная нами свинья?». Теоретические же вопросы вроде «существуют ли духи предков?», не ставятся, они заранее считаются решенными. То же самое относится и к людям, исповедующим мировые религии, и к атеистам. В этом с Буайе нельзя не согласиться. В повседневной жизни мы не ломаем голову ни над вопросом о существовании Бога, ни над вопросом о существовании внешнего мира. Верующие «знают», что Бог есть, атеисты «знают», что его нет, а все мы вместе «знаем», что внешний мир существует, хотя для философов оба вопроса далеко не тривиальны. Собственно, если их упразднить, от философии мало что останется.

В отличие от предшественников автора, которых он игнорирует или третирует за склонность к бесполезной (как ему кажется) каталогизации, сам он не утруждает себя подведением под свой труд сколько-нибудь солидной антропологической базы. Количество собранных в книге фактов на удивление мало, и добыты они в основном либо самим автором у народа фанг Центральной Африки, либо его единомышленником Р. Кизингом у квайо Соломоновых островов. Перечисление же примеров, относящихся к другим регионам, автора быстро утомляет: «Приведенные выше примеры взяты с Явы, из Индии, Непала и Центральной Африки, однако нужные иллюстрации я с равным успехом мог бы найти на любом континенте и в любой религии. В боль-

шинстве человеческих обществ имеются те или иные обряды, с которыми связаны представления о сверхъестественных сущностях» (С. 311). Пренебрежение эмпирическим материалом и полное отсутствие структурного подхода к нему в сочетании с неумеренным теоретизированием вызвано, видимо, не столько узким кругозором автора, сколько его верой в то, что углубляться в частности разных религиозных традиций нет смысла. Ведь все эти традиции построены на одних и тех же принципах, вернее на одних и тех же неисправностях в системах логического вывода. Поскольку рациональные шаблоны мышления всюду одинаковы, то одинаковы и паразитирующие на них иррациональные, т.е. религиозные, шаблоны.

Вопрос о том, почему одни религиозные представления распространяются, а другие — нет, решается очень просто. На помощь приходит Докинз с его мемами, которые, подобно генам, плодятся и исчезают благодаря отбору. Религиозные мемы отличаются от прочих (например, от анекдотов) лишь тем, что их значимость выше. Но если в данном случае между культурными и биологическими явлениями еще можно при желании усмотреть некоторые поверхностные параллели, хотя и они требуют гораздо более тщательного обоснования, то теория эгоистичного гена (довольно проблематичная, кстати, и в биологии) оказывается для теории культуры поистине губительной. «Мем-модели ставят под сомнение идею культуры как некой абстракции, не зависящей от индивидуальных концепций и норм, “общих” для разных людей. Параллель с генами наглядно показывает, почему это ошибочно. У меня, как и у многих других, голубые глаза. Но мои гены не находятся в организмах этих других, а их гены — в моем <...>. Называть их “общими” значило бы притягивать за уши ложную метафору. Мы можем утверждать лишь, что унаследованные мной гены схожи с генами других людей с точки зрения их воздействия на цвет глаз. Вот и культура означает лишь сходство <...>. Поэтому было бы заблуждением называть культуру общей или совместной, как собственность. Если у меня и у вас в кошельке оказалась абсолютно одинаковая сумма денег, это еще не значит, что мы владеем ими сообща!» (С. 54). Эти рассуждения поражают своей вульгарностью. Они тем сильнее режут слух, что опубликованы через сто лет после трудов Дюркгейма, раз и навсегда, казалось, отбивших у специалистов по теории культуры охоту к подобному редукционизму. Таково закономерное следствие ребяческого стремления начинать в науке с нуля.

Буайе — далеко не первый, кто сравнивает ритуалы с навязчивыми действиями при психических расстройствах. В СССР подобные мысли развивал по отношению к неврозам С.Н. Давиденков [Давиденков 1947: 131–143], а сейчас эволюционная

теория ритуализации нашла место и в большой психиатрии [Самохвалов 1993: 51, 59, 66–72 и др.]. Но если медикам эти аналогии нужны, чтобы понять поведение больных и помочь им, то мысли Буайе направлены в противоположную сторону: «Перечень распространенных мотивов в обрядах вполне может заменить клиническое описание распространенных навязчивых состояний, проявляющихся у страдающих ОКР <...>. Это расстройство возникает <...> в результате определенного нарушения планирующей функции мозга и успешно поддается медикаментозному лечению» (С. 322). К счастью, это рассуждение все-таки не имеет формы практической рекомендации.

Особый вес в книге (и в этом сам Буайе и его сторонники видят ее главное достоинство) придается экспериментальным психологическим данным, которые позволяют некоторым эволюционным психологам, в частности Дж. Барретту, говорить о возникновении новой отрасли знания — экспериментальной теологии. Подобно нейротеологии, отрасль эта новая, потому и фактов пока мало. Некоторые из них свидетельствуют о том, что при изменении «психологических настроек» люди начинают придавать неживым объектам свойства живых. Однако даже безудержная фантазия, согласно Канту, летит на крыльях разума. Например, изображая фантастических животных, испытываемые все-таки снабжают их двусторонней симметрией и по крайней мере одной парой глаз спереди. Естественно, отклонения от нормы привлекают внимание в первую очередь. Опросы, проведенные Буайе совместно с Барреттом, показали, что вещи, противоречащие стандартным представлениям, запоминаются лучше, если противоречие касается качества, а не количества. Например, люди, независимо от их культурной и религиозной принадлежности, дольше помнят о том, что некто способен проходить сквозь стену, чем о том, что у кого-то на руке лишний палец, ибо первое противоречит «онтологическому шаблону», а второе — нет. Но стоило ли проводить психологический эксперимент и изобретать еще один квазинаучный термин, чтобы доказать это? Буайе с удовлетворением отмечает, что факты, касающиеся религии, согласуются с результатами экспериментов. Так, представление о непорочном зачатии стало религиозным, а вот женщин, родивших необычно большое число детей, нигде не обожествляют. Не знаю, наверное, главное мое расхождение с автором состоит в том, что требующими доказательства и самоочевидными нам кажутся совершенно разные вещи.

Увлечшись поисками универсальных типологических закономерностей, Буайе забывает о возможности исторического объяснения. Лишь в одном месте он походя рассматривает эту возможность, когда пишет об устойчивости формы обрядовых

действий при изменении их функции. Такая устойчивость не убеждает его в правильности теории обряда как атавизма: «Даже если найдутся подтверждения того, что историческая последовательность событий была именно такой, все равно это не объяснит нам, почему обряды обладают такой притягательностью сейчас и применяются не по тем поводам, по которым проводились изначально» (С. 316). Почему же не объяснит? Консерватизм традиции — аксиома религиоведения, и ее не заменить псевдоаксиомами эволюционной психологии.

Функциональная значимость мифологии очевидна. Однако распространение конкретных мифологических сюжетов по земному шару объясняется в первую очередь историческими обстоятельствами, в частности миграциями, что убедительно продемонстрировано, например, Ю.Е. Березкиным [Березкин 2009]. Никаких указаний на то, что сюжеты распространяются благодаря естественному отбору, не существует, вопреки домыслам «экспериментальной теологии». И уж если говорить о мемах, то такие мемы подобны генам, не имеющим адаптивной ценности, т.е. селективно нейтральным.

То же относится к ритуалам. Адаптивная ценность ритуала как такового несомненна, но конкретные его формы обусловлены историческими причинами. Параллели, допустим между русским юродством и ритуальной клоунадой североамериканских индейцев или между сходными до деталей проявлениями культа предков на разных континентах, объясняются, скорее всего, не общими свойствами человеческой психики, а моноцентрическим возникновением человека современного типа. Иными словами, тем, что у всех человеческих групп сравнительно недавние общие предки. И не только возможно, но и очень вероятно, что фрагменты их религиозных представлений сохранились благодаря исторической инерции (а не благодаря естественному отбору!) в целом ряде традиций, которые мы лишь по привычке называем неродственными. Из того, что эти фрагменты представляют собой остатки религии ранних сапиенсов, вовсе не следует, что наше мышление адаптировано к условиям палеолита.

Сочувственно цитируя высказывание Докинза о том, что религия передается только одним путем — по наследству, Буайе не замечает, насколько эта мысль противоречит его собственным взглядам, ведь из нее прямо следует, что распространение религиозных традиций связано с историей человеческих групп, а не с биологией человеческого мозга. Историческую обусловленность религиозных традиций не надо доказывать — она давным-давно доказана. Бремя доказательств лежит на тех, кто отвергает данную обусловленность во имя «когнитивного

религиоведения», «экспериментальной теологии», «нейротеологии» и прочих ультрасовременных квазидисциплин со звучными названиями, но весьма неопределенным содержанием.

Буайе практически игнорирует качественное своеобразие человека по сравнению с животными. В этом он заметно уступает своему единомышленнику Пинкеру, посвятившему книгу «языковому инстинкту» [Пинкер 2004]. Пусть это выражение вносит путаницу (язык — не инстинкт, а, наоборот, то, благодаря чему роль инстинктов в нашем поведении резко уменьшилась по сравнению с животными, что бы ни говорили на этот счет эволюционные психологи), но главную отличительную особенность человека Пинкер, в отличие от Буайе, все-таки видит ясно. Если бы Буайе обратил внимание на эту книгу своего коллеги, а не на ту, которая его вдохновила, он, несомненно, задумался бы о тесной связи религии с языком. Возможно, он заметил бы, что человек, изобретая символическую коммуникацию, которой не пользуется больше ни один вид на Земле, тем самым превратил себя в актера, играющего одновременно или попеременно множество социальных ролей. Состояние человека глубоко неестественно, в таком состоянии не живет ни один зоологический вид. Это состояние непрерывной игры, причем роли, которые человеку приходится играть, подчас противоречивы — вспомним смену контрастных поведенческих программ на протяжении календарного цикла.

Под этим углом зрения и драматургичность мифологических текстов (они все-таки совсем не мыльные оперы!), и театральность ритуалов, и игровой характер большинства культурных явлений, включая религию, — все это предстало бы в совершенно ином свете, делающем излишними представление об инстинктивности нашего поведения и взгляд на религию как на сбой в когнитивных системах.

«Определенные культурные представления имеются у нас не потому, что они логичны или полезны, а потому, что наш мозг в силу специфики своего устройства не может не порождать их», — таков один из главных постулатов книги (С. 223). В узкой трактовке этот взгляд ошибочен, в широкой — бессодержателен. Будучи понят максимально широко, он равносителен принципу «все действительно разумно». Такой принцип уместен в философии объективного идеализма, но бесполезен в науке, где одно из главных требований умственной гигиены — «рассматривая только опровержимые утверждения» — пока еще остается в силе. Пренебрежение данным требованием привело автора к тому, что по-английски можно было бы обозначить словами *religion explained away*, а по-русски — так, как я и озаглавил эту рецензию.

Источники

Тютчев в дневнике и воспоминаниях М.П. Погодина // Лит. наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 7–29.

Библиография

- Березкин Ю.Е. Из Старого в Новый Свет: мифы народов мира. М.: Астрель; АСТ, 2009. 446 с.
- Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.: Тип. им. Володарского, 1947. 382 с.
- Пинкер С. Язык как инстинкт / Пер. с англ. Е.В. Кайдаловой. М.: УРСС, 2004. 455 с.
- Пинкер С. Как работает мозг / Пер. с англ. О.Ю. Семиной. М.: Кучково поле, 2017. 672 с.
- Самохвалов В.П. Эволюционная психиатрия (история души и эволюция безумия). Симферополь: ИМИС, 1993. 286 с.
- Тамбовцева С. Рец. на кн.: Luther H. Martin, Donald Wiebe (eds.). Religion Explained? The Cognitive Science of Religion after Twenty-Five Years. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2017. 272 p. // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 214–230. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-215-230.
- Bell C. Ritual: Perspectives and Dimensions. N.Y.: Oxford University Press, 1997. XII+351 p.
- Deacon T.W. The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. N.Y.; L.: W.W. Norton, 1997. 527 p.
- Ferguson M.A., Nielsen J.A., King J.B., Dai L., Giangrasso D.M., Holman R., Korenberg J.R., Anderson J.S. Reward, Salience, and Attentional Networks Are Activated by Religious Experience in Devout Mormons // Social Neuroscience. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 104–116. doi: 10.1080/17470919.2016.1257437.
- Fodor J. The Mind Doesn't Work That Way: The Scope and Limits of Computational Psychology. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 126 p.
- Lawson E.T., McCauley R.N. Rethinking Religion: Connecting Cognition and Culture. N.Y.: Cambridge University Press, 1990. 194 p.
- Martin L.H., Wiebe D. (eds.). Religion Explained? The Cognitive Science of Religion after Twenty-Five Years. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2017. 272 p.
- Newberg A.B., Wintering N.A., Yaden D.B., Waldman M.R., Reddin J., Alavi A. A Case Series Study of the Neurophysiological Effects of Altered States of Mind during Intense Islamic Prayer // Journal of Physiology — Paris Special Issues. 2015. Vol. 109. No. 4–6. P. 214–220. doi: 10.1016/j.jphysparis.2015.08.001.
- Uttal W.R. The New Phrenology: The Limits of Localizing Cognitive Processes in the Brain. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 255 p.
- Yaden D.B., Iwry J., Newberg A.B. Neuroscience and Religion: Surveying the Field // Klements N. (ed.). Mental Religion: The Brain, Cognition, and Culture. L.: MacMillan, 2017. P. 277–299. (MacMillan Interdisciplinary Handbooks on Religion).

Александр Козинцев

A Review of Pascal Boyer, *Obyasnyaya religiyu: Priroda religioznogo myshleniya*: Russian transl. from French (*Et l'homme créa les dieux: comment expliquer la religion*), 2nd ed. Moscow: Alpina non-fiction, 2018, 496 pp.

Alexander Kozintsev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
agkozintsev@gmail.com

In his most well-known book, Pascal Boyer interprets religion from the standpoint of cognitive science and evolutionary psychology. In his view, the human mind consists of numerous specialized inference systems molded by natural selection. Religion, which is parasitic upon these systems, results from their malfunctioning or mismatch. Following Steven Pinker and Richard Dawkins, the author believes that the problem of religion can be solved by a purely psychological approach on the assumption that religious beliefs, like other “memes”, spread through natural selection. In the reviewer’s opinion, the principal drawbacks of the book are a disregard for past scholarship, lack of structural approach to religion, and a biological bias in the interpretation of cultural phenomena.

Keywords: religion, mythology, ritual, Darwinism, evolutionary psychology.

References

- Bell C., *Ritual: Perspectives and Dimensions*. New York: Oxford University Press, 1997, XII+351 pp.
- Berezkin Yu. E., *Iz Starogo v Novyy Svet: mify narodov mira* [From the Old to the New World: Myths of the People of the World]. Moscow: Astrel; AST, 2009, 446 pp. (In Russian).
- Davidenkov S. N., *Evolutsionno-geneticheskie problemy v nevropatologii* [Evolutionary Genetic Issues in Neuropathology]. Leningrad: Volodarsky Printing House, 1947, 382 pp. (In Russian).
- Deacon T. W., *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain*. New York; London: W. W. Norton, 1997, 527 pp.
- Ferguson M. A., Nielsen J. A., King J. B., Dai L., Giangrasso D. M., Holman R., Korenberg J. R., Anderson J. S., ‘Reward, Salience, and Attentional Networks Are Activated by Religious Experience in Devout Mormons’, *Social Neuroscience*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 104–116. doi: 10.1080/17470919.2016.1257437.

- Fodor J., *The Mind Doesn't Work That Way: The Scope and Limits of Computational Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000, 126 pp.
- Lawson E. T., McCauley R. N., *Rethinking Religion: Connecting Cognition and Culture*. New York: Cambridge University Press, 1990, 194 pp.
- Martin L. H., Wiebe D. (eds.), *Religion Explained? The Cognitive Science of Religion after Twenty-Five Years*. New York: Bloomsbury Academic, 2017, 272 pp.
- Newberg A. B., Wintering N. A., Yaden D. B., Waldman M. R., Reddin J., Alavi A., 'A Case Series Study of the Neurophysiological Effects of Altered States of Mind during Intense Islamic Prayer', *Journal of Physiology — Paris Special Issues*, 2015, vol. 109, no. 4–6, pp. 214–220. doi: 10.1016/j.jphysparis.2015.08.001.
- Pinker S., *The Language Instinct: How the Mind Creates Language*. New York: William Morrow, 1994, 494 pp.
- Pinker S., *How the Mind Works*. New York: W. W. Norton, 1997, 660 pp.
- Samokhvalov V. P., *Evolutsionnaya psikhiatriya (istoriya dushi i evolyutsiya bezumiya)* [Evolutionary Psychiatry (Soul History and the Evolution of Madness)]. Simferopol: IMIS, 1993, 286 pp. (In Russian).
- Tambovtseva S., 'A Review of Luther H. Martin, Donald Wiebe (eds.), Religion Explained? The Cognitive Science of Religion after Twenty-Five Years. New York: Bloomsbury Academic, 2017, 272 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 42, pp. 215–230. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-215-230. (In Russian).
- Uttal W. R., *The New Phrenology: The Limits of Localizing Cognitive Processes in the Brain*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001, 255 pp.
- Yaden D. B., Iwry J., Newberg A. B., 'Neuroscience and Religion: Surveying the Field', Klements N. (ed.), *Mental Religion: The Brain, Cognition, and Culture*. London: MacMillan, 2017, pp. 277–299. (MacMillan Interdisciplinary Handbooks on Religion).